

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТВИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го мая

№ 9-й.

1895 года.

Ѣ Ѹ С Ѣ Д Ю

на семь словъ Спасителя со креста.

Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира,
Экзарха Грузіи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

*Егда же пріятъ оцетъ Исусъ, рече:
совершишася (Іоан. 19, 30),*

Тотъ вкусный напитокъ, который войны подали Господу Иисусу на Его воззваніе: „жажду“ былъ послѣднею горечью, которую Онъ долженъ былъ вкусить во время Своихъ крестныхъ страданій. Крещеніе, которымъ Онъ долженъ былъ креститься, и предъ которымъ такъ смущалась душа Его, совершилось; чаша, которую далъ Ему Отецъ, выпита до дна. *Егда же пріятъ оцетъ Исусъ, рече: совершишася!*

Совершишася! Что же, возлюбленные братіе, хочеть сказать Господь Иисусъ, когда восклицаетъ *совершишася?*

Что закончились Его страданія, достигли своей цѣли всѣ эти мученія, которыя перенесъ Онъ съ того тяжелаго часа въ Геѳсиманіи, всѣ эти оскорбленія, заушенія и бичеванія, что Онъ не будетъ уже болѣе висѣть между небомъ и землею на древѣ клятвы съ распростертыми члсвами: съ пригвожденными руками и ногами, подъ

насмѣшками мучителей, томимый нестерпимою жаждою, что пришли теперь къ концу и тѣ невыносимыя страданія Его истерзанной души, которыя исторгли у Него этотъ жалобный вопль: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* И въ самомъ дѣлѣ, не естественно ли было душѣ Его вздохнуть свободнѣе въ сознаніи того, что все это наконецъ совершилось? Не должны ли и мы почувствовать облегченіе и возрадоваться при мысли, что настала наконецъ предѣлъ Его труду и долготерпѣнію, и Ему ничего болѣе не остается, какъ предать душу Свою въ руки Отца, и, склонивъ главу Свою, испустить духъ?

Все это, конечно, такъ, возлюбленные слушатели! И однако мы не совсѣмъ правильно поняли бы и далеко не вполне исчерпали бы содержаніе этого крестнаго слова Спасителя „*совершишася*“, если бы этимъ только ограничили смыслъ и значеніе его, т. е. если бы поняли его какъ только голосъ работника, утомленнаго подъ тяжестію дневнаго труда, который свободнѣе начинаетъ дышать, когда закончилъ свою работу и предался вечернему покою; или же какъ вздохъ больнаго, который, на одрѣ своей болѣзни, чувствуетъ, что страданія его клонятся къ концу и не далеко исцѣленіе! Нѣтъ, какъ вообще Онъ пришелъ на землю не для того, чтобы искать Своего, но задачею Его земной жизни было исполнять волю и совершать дѣло Того, Который послалъ Его; такъ и въ этомъ крестномъ словѣ Онъ думаетъ не о Себѣ и не о Своихъ страданіяхъ: Онъ устремляетъ взоръ Свой на тѣхъ, для спасенія которыхъ Онъ пришелъ на землю, на то дѣло, для совершенія котораго послалъ Его Отецъ и восклицаетъ при этомъ: „*совершишася!*“

Совершишася, т. е. совершилось дѣло искупленія міра, для котораго Онъ былъ посланъ Отцемъ Своимъ, исполненъ законъ въ этомъ Его послушаніи *до смерти, смерти же крестныя*, принесена жертва за грѣхи міра, утоленъ гнѣвъ Божій на грѣшный міръ, разодрано рукописаніе, которое свидѣтельствовало противъ него, уничтожено средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ, открытъ послѣднему входъ ко Отцу, побѣждены міръ, грѣхъ, адъ, смерть, діаволь, и настала жизнь и непрестающее бытіе. Вотъ что разумѣетъ Іисусъ, когда восклицаетъ со креста Своего: *совершишася!* Это—*торжественный кликъ побѣдителя*, утренняя заря новаго дня, который начинается сегодня для міра.

Это былъ день, въ который осуществилось наконецъ то, чего такъ томительно ждалъ родъ человѣческой въ продолженіи тысячелѣтій и о чемъ предвозвѣщали обѣтованія ветхаго завѣта, начиная съ перваго обѣтованія въ раю. Въ прахѣ, у ногъ этого Распятаго лежалъ теперь тотъ древній змій, которому Онъ—сѣмя жены—раздавилъ голову. Это былъ тотъ день Господень, который нѣкогда увидѣлъ праотецъ Авраамъ и возрадовался, — ибо предъ его духовнымъ взоромъ возстали все племена земныя, которыя должны были быть благословлены чрезъ это его сѣмя. Это былъ день открытія для падшаго человѣчества тѣхъ истинныхъ благъ, которыя прообразовала жертва ветхаго завѣта съ его храмомъ и священствомъ. Теперь стоялъ онъ тамъ, на Голгоѣ, алтарь завѣта, новаго вѣчнаго завѣта, на которомъ истинный Первосвященникъ принесъ Самого Себя, какъ вѣчно дѣйствительную жертву за грѣхи всего міра. Онъ окидывалъ Своимъ взоромъ все поколѣнія, какія только существовали доселѣ на землѣ, и заглядывалъ въ даль отдаленнаго будущаго до послѣдняго рода, имѣющаго произойти отъ этого сѣмени, и тамъ и здѣсь не было никого, для котораго не былъ бы открытъ сегодня источникъ спасенія, но все было сдѣлано и вѣчное спасеніе приобрѣтено. Теперь смѣло могутъ выйти они, вѣстники царства Христова, ко всемъ грѣшникамъ съ этимъ милостивымъ приглашеніемъ: — „*приидите, все готово!*“ Теперь въ правѣ они предложить имъ: „*примиритесь съ Богомъ!*“. *Не ожесточите сердецъ вашихъ!*— *Совершишася!* Вотъ сладкое, утѣшительное евангеліе, которое возвѣщается теперь грѣшному міру. *Они приидутъ*, заключаетъ 21-й псаломъ, начальными словами котораго восклицалъ Распятый: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?*— *они приидутъ и возвѣстятъ правду его людямъ рождшимся, яко сотвори Господь* (ст. 32), т. е. возвѣстятъ о томъ, что Онъ совершилъ, исполнилъ, осуществилъ дѣло искупленія падшаго чело-вѣка и примиренія міра съ Богомъ и открылъ вѣчное спасеніе.

Совершишася! Такъ взываетъ нашъ Спаситель къ Отцу, Который послалъ Его и дѣло Котораго Онъ совершилъ теперь; такъ взываетъ Онъ къ небу, ангельскій хоръ котораго, при Его рожденіи въ Вифлеемѣ, пѣлъ надъ Его яслями: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуцъхъ благоволеніе*; такъ взываетъ Онъ къ искупленной землѣ, которую Онъ примирилъ съ Богомъ и чада которой сдѣлались теперь людьми Божія благоволенія.

Совершишася! О, прислушайтесь вы, чада міра и земли, къ этому слову умирающаго на крестѣ Спасителя и примите къ сердцу то, что Онъ хочетъ сказать вамъ. *Совершишася!* Не въ дѣлахъ героевъ и великихъ и мудрыхъ міра сего совершилось это, какъ бы ни были велики ихъ сила, мудрость и искусство и съ какимъ бы удивленіемъ ни останавливались мы предъ произведеніями ихъ. Въ итогѣ всякой дѣятельности этихъ мудрецовъ, всякихъ стремленій и домогательствъ дохристіанскаго міра было только сознаніе собственной немощи и безсилія, неутолимая жажда по Богѣ, по живомъ Богѣ! *Глаголющеса* тогда *быти мудри*, говоритъ Апостоль Павелъ, *обжуродыша* (Рим. 1; 22). Во всѣхъ дѣлахъ людей дохристіанскаго міра не было ни спасенія, ни мира съ Богомъ, ни отвѣта на вопросъ: *что мнѣ дѣлать, чтобы быть счастливымъ?* Это можно было находить и находили только въ вѣрѣ въ Того, Который имѣлъ совершить наше искупленіе на Голгоѣѣ. О, не вѣрьте, братіе, міру, если онъ вѣру отцовъ вашихъ попираетъ какъ суевѣріе минувшихъ вѣковъ и, разшатывая вашу вѣру въ Спасителя, указываетъ на свои дѣла, на книги своихъ мудрецовъ, на успѣхи человѣческаго ума, на дѣла грядущихъ поколѣній. Принимайте съ чистымъ сердцемъ все благородное, высокое и великое, все полезныя начинанія и стремленія нашего вѣка и не чуждайтесь ничего человѣческаго; но не ждите отъ человѣка и человѣческой дѣятельности и мудрости того, чего они никогда не могутъ дать и достигнуть. Свѣтъ, спасеніе и вѣчная жизнь, миръ для уязвленной совѣсти, исцѣленіе измученнаго сердца, удовлетвореніе его глубочайшихъ вѣчныхъ потребностей, и возстановленіе грѣхомъ нарушеннаго общенія съ Богомъ, избавленіе отъ смерти, ада и суда, они никогда не придутъ къ міру изъ области того, что могутъ совершить и совершаютъ люди на землѣ. Не придутъ они ни изъ изумительныхъ успѣховъ человѣческаго развитія, ни изъ геройскихъ подвиговъ завоевателей, ни изъ научныхъ изслѣдованій, открытій и изобрѣтеній, но только съ Голгоѣы, отъ креста агнца Божія, взяшаго на Себя грѣхи міра, отъ Него — вѣчнаго Первосвященника, Примирителя міра съ Богомъ, Который все это совершилъ для насъ Своимъ послушаніемъ до крестной смерти.

Совершишася! О, какое это сладкое, утѣшительное для насъ слово, когда пробуждается наша совѣсть, когда охватываетъ насъ

чувство собственной вины и безсилія, когда смерть и адъ пугаютъ нашу душу!

Христіанинъ! Когда глубокая скорбь о грѣхахъ твоихъ снѣдаетъ твою душу, когда, углубляясь внутрь себя, ты болѣе и болѣе убѣждаешься, какая непроходимая пропасть лежитъ между твоимъ желаніемъ добра и осуществленіемъ его и какъ слабы твои силы въ борьбѣ съ злымъ началомъ, лежащимъ въ твоей испорченной грѣхомъ природѣ, тогда ищи подкрѣпленія своей надежды на спасеніе не въ себѣ самомъ и не въ своихъ дѣлахъ, но въ Немъ, во Христѣ Иисусѣ и въ дѣлѣ Его искупленія, которое Онъ совершилъ для тебя на Голгоѣѣ. Совершивъ это дѣло *для тебя*, Онъ силенъ и готовъ совершить его и *въ тебѣ*. Ибо *сила Его совершается и въ немощи*. Не дѣлай только изъ искупительныхъ заслугъ твоего Спасителя мягкаго возглавія для твоей совѣсти. Возлагая надежду на благодатную помощь Искупителя, не опускай и своихъ собственныхъ рукъ, не предавайся безпечности въ дѣлѣ своего спасенія и самъ. Помни, что Богъ, сотворившій насъ безъ нашего участія, не захотѣлъ насъ и искупить безъ нашего содѣйствія. Напротивъ,—мы можемъ достигать спасенія только подъ условіемъ нашего собственнаго старанія, нашихъ собственныхъ усилій. *Царствіе Божіе нудится, говоритъ Слово Божіе, и только нуждницы восхищаютъ его*. Аминь.

7. *Отче, въ руку твою предаю духъ мой.*

И возлашъ гласомъ велиимъ Иисусъ, рече: Отче, въ руку твою предаю духъ мой: и сія рекъ издше. (Лук. 23, 46).

Это седьмое и послѣднее слово нашего Спасителя на крестѣ. Совершилось. Единородный Сынъ Божій исполнилъ то дѣло, которое назначилъ Ему Отецъ. Послушный до смерти, *смерти же крестныя*, Онъ все перенесъ, все препобѣдилъ и установилъ новый, вѣчный завѣтъ благодати и примиренія челоуѣка съ Богомъ. Все было сдѣлано, и только одно теперь оставалось для Него,—вкусить тѣлесную смерть, разлученіе тѣла и души. *И возлашъ гласомъ велиимъ Иисусъ, рече: Отче, въ руку твою предаю духъ мой!*

Изъ всѣхъ семи крестныхъ словъ два только слова, по свидѣтельству евангелистовъ, произнесъ Спаситель громкимъ голосомъ. Это скорбный вопль Его жестокой душевной борьбы: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* И это послѣднее слово побѣдителя: *Отче, въ руку твою предаю духъ мой!* Свидѣтели Его тяжелой борьбы должны были быть свидѣтелями и Его побѣды.

Какъ тотъ скорбный вопль нашего Спасителя, и это послѣднее крестное слово есть слово псаломѣвца Давида. *Въ руку твою, читаемъ мы въ 30-мъ псалмѣ Давида, предложу духъ мой: избавилъ мя еси Господи Боже истины* (Пс. 30, 6). Вообще слово Божіе было въ сердцѣ и на устахъ Спасителя постоянно, въ продолженіи всей Его жизни, отъ начала до конца ея; но въ особенности Онъ любилъ употреблять его какъ оружіе въ тяжелые часы борьбы и искушеній. Такъ Словомъ Божіимъ отразилъ Онъ, въ началѣ Своего общественнаго служенія, сатану—искусителя, сказавъ ему: *отойди отъ меня, писано бо есть: не искушиши Господа Бога твоего*. Слово Божіе было на устахъ Его, когда Онъ, въ минуты глубочайшей душевной тоски Своей, воскликнулъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* Съ словомъ Божіимъ на устахъ и умираетъ Онъ теперь на крестѣ Своемъ: *Отче, въ руку Твою предаю духъ мой!*

Благо тѣмъ, которые точно также постоянно носятъ въ своемъ сердцѣ Слово Божіе и настолько напитали и укрѣпили имъ свои души, что могутъ употреблять его не только какъ оружіе, какъ мечъ духовный въ борьбѣ съ искушеніями, но и какъ утѣшеніе и ободреніе въ скорби и отчаяніи. Напротивъ, какъ жалки и безпомощны бываютъ во дни бѣдствій и испытаній, особенно же въ предсмертные часы тѣ изъ насъ, кои въ добрые и благополучные дни не озаботились сдѣлать запаса изъ слова Божія! Имъ нужно утѣшеніе, ободреніе, подкрѣпленіе, но гдѣ взять ихъ? Въ душѣ ихъ пустота: ни одной молитвы, ни одного священнаго пѣснопѣнія, ни одного изреченія слова Божія, которое могло бы ободрить, подкрѣпить удрученную душу и пролить въ нее свѣтлый лучъ надежды. Вотъ почему весьма умѣстно здѣсь припомнить слова премудраго: *„помяни сотворшаго тя во днихъ юности твоея, дождеже не придутъ днѣ злобы твоея, и приспѣютъ лѣта, въ нихъ же речеши: нѣсть ми въ нихъ хотѣнія* (Экклес. 12, 1). Внужайте же, вы, добрые родители, наставники и воспитатели, ввѣренному вамъ подростяющему поколѣнію, чтобы оно съ самыхъ ран-

нихъ поръ, какъ можно больше, обогащало себя запасомъ различныхъ примѣровъ изъ священной исторіи, изреченій Библии и чудныхъ пѣснопѣній нашей церкви. Повѣрьте, что это не будетъ напраснымъ трудомъ, и такой запасъ религіозныхъ знаній не будетъ излишнимъ балластомъ, обременяющимъ только память вашихъ питомцевъ. Нѣтъ, это поистинѣ будетъ для нихъ драгоценнымъ, незамѣнимымъ сокровищемъ, хотя бы они теперь не знали и не могли оцѣнить его по достоинству. Если не сейчасъ, то современемъ они глубоко будутъ благодарны вамъ за то, что вы заставляли ихъ съ дѣтства дѣлать этотъ дорогой запасъ, когда на примѣръ въ душѣ юноши или мужа оживетъ съ своимъ предостереженіемъ какое нибудь, хотя бы противъ воли заученное въ дѣтствѣ, *священное слово* и отведетъ заблуждашаго отъ бездны погибели, или когда эти примѣры изъ священной исторіи, эти изреченія изъ слова Божія, предстанутъ какъ ангелы хранители предъ одромъ больнаго, успокоятъ его душу своими утѣшеніями и проведутъ чрезъ мрачную долину смерти! О, даруй, Господи, чтобы съ наступленіемъ и нашего страшнаго часа смерти, послѣдній вздохъ и cadaго изъ насъ былъ заимствованъ изъ слова Божія, какъ вздохъ умирающаго Спасителя: *Отче, въ руку Твою предаю духъ мой!*

Это суть слова *молитвы*, которыя Спаситель заимствовалъ изъ псалма Давида. Такимъ образомъ *молясь* умираетъ Спаситель, какъ *молясь* и жилъ Онъ. Да и что за жизнь, что за смерть безъ молитвы! Но друже! Какъ можешь ты умереть съ молитвою, если ты жилъ безъ молитвы и въ продолженіи всей своей жизни не научился *молиться*?

Отче, въ руку Твою предаю духъ мой! Вотъ слова, которыми молится Спаситель въ моментъ смерти, къ которой Онъ Самъ вышелъ на встрѣчу. Онъ добровольно предалъ Себя въ руки враговъ Своихъ, которые предъ Его мощнымъ: *Азъ есмь* пали ницъ, и никакая сила не могла бы связать Его, если бы Онъ Самъ не захотѣлъ этого; такъ же добровольно предаетъ Онъ Себя и въ узы смерти. „Онъ пришелъ къ смерти, а не смерть къ Нему“, говорили, поэтому, отцы церкви. Въ доказательство чего Онъ и предалъ духъ Свой въ руки Отца, *возлашѣ гласомъ велимѣ*, т. е. съ громкимъ воплемъ. *Никтоже возметъ ю (жизнь) отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ; область и мамѣ положить ю, и область и мамѣ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18).

Онъ умеръ добровольно, но умеръ *дѣйствительно* и претерпѣлъ за насъ всѣ мученія смерти. И затѣмъ Онъ передалъ душу Свою на попеченіе и сохраненіе (Самъ собою Онъ не могъ уже этого сдѣлать) Отцу Своему. Изъ рукъ враговъ Своихъ, которыя послѣ различныхъ издѣвательствъ и мученій, повѣсили Его на древѣ клятвы, передалъ Онъ Себя въ руки Бога. *Отче*, молится Онъ, какъ въ первомъ Своемъ крестномъ словѣ, словѣ Своего первосвященническаго ходатайства за убійць. *Отцомъ* называетъ Онъ снова Того, Котораго въ тотъ ужасный часъ Своей оставленности отъ Отца называлъ Богомъ. Въ этотъ часъ Своей смерти Онъ снова становится въ такое же отношеніе къ Отцу Своему, въ какомъ былъ ранѣе, до Своихъ страданій.

Что означаетъ эта молитва нашего Спасителя, это видимъ мы изъ словъ 15-го псалма, которыя, по свидѣтельству Апостола Петра (рѣчь его въ день пятидесятницы), исполнились на Иисусѣ Христѣ. *Сохрани мя, Господи, яко на тя уповахъ!.. Яко не оставиши души моея во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Пс. 15, 1, 10).

Онъ передаетъ Свою душу въ руки Отца въ той увѣренности, что она будетъ невредимою и въ цѣлости сохранена до того дня, когда Онъ снова возьметъ ее изъ Его рукъ для воскрешенія тѣла.

Свободный отъ всякихъ страданій, безопасный отъ ярости и козней діавола, Иисусъ входилъ въ покой Божій; тотчасъ открылись Ему двери рая, въ который Онъ общалъ сегодня же ввести съ собою разбойника, куда ведетъ Онъ души и всѣхъ Своихъ послѣдователей, которыя вмѣстѣ съ Собою, въ этомъ послѣднемъ Своемъ вздохѣ, какъ милосердый Первосвященникъ, передаетъ въ руки Своего Отца. *И азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея. Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца моего* (Іоан. 10, 28. 29).

Вотъ почему христіане знаютъ, на чемъ основывается ихъ утѣшительная увѣренность и въ чьи руки они отдаютъ, при наступленіи смерти, свои души на сохраненіе до дня воскресенія. Вотъ почему первомученикъ Стефанъ, умирая подъ камнями своихъ убійць, молится: *Господи Иисусе, приими духъ мой!* Вотъ почему и многіе другіе изъ мучениковъ христіанскихъ, умирая, говорили: *О, Господи Христе, Ты мой Спаситель, въ Твои руки предаю я духъ мой.* Или:

Отче, въ руку Твою предаю духъ мой; Ты избавилъ мя, Господи Боже истины“.

Христіанинъ! Будеть ли этотъ вздохъ и твоимъ предсмертнымъ вздохомъ? О, старайся, чтобы ты могъ отдать твою душу на храненіе до дня воскресенія въ такія надежныя руки. Блаженъ, кто, при послѣднемъ концѣ своей жизни, когда исчезаютъ и мысли и чувства, бываетъ достоинъ того, чтобы передать свою душу въ руки Всемогущаго Отца, съ увѣренностію, что никто не вырветъ ее изъ этихъ рукъ. Таковой утѣшительной увѣренности вполне достаточно для того, чтобы умереть въ мирѣ. Имѣющій такую вѣру знаетъ, что душа его и среди бушующихъ волнъ смерти будетъ безопасна и останется невредимою. Я въ рукахъ моего Отца; я знаю это и больше мнѣ ничего не нужно знать; для меня совершенно довольно знать о мѣстѣ покоя. А что будетъ отъ момента моей смерти до того часа, когда всѣ умершіе услышатъ гласъ Сына Божія и откроются ихъ гробы, это я предоставляю Ему и Его благой волѣ. При послѣднемъ концѣ своемъ я молюсь: *Отче, въ руку Твою предаю духъ мой*, и, всецѣло возложивъ на Него свою надежду, умираю съ миромъ.

Да сподобить насъ Отецъ нашъ небесный такой мирной кончины! Но, о мои возлюбленные братіе! Кто не зналъ на небѣ никакого Отца въ продолженіи своей жизни, тотъ можетъ ли вручить Ему духъ свой при смерти? Кто отвергаетъ Сына, у того нѣтъ и Отца (1 Иоан. 2, 23). *Никто не приходитъ*, говоритъ Онъ Самъ, *ко Отцу, токмо мною* (Иоан. 14, 6). Вотъ почему и проповѣдуется теперь Его имя, дабы вы увѣровали въ Него и по этой вѣрѣ содѣлались чадами Божиими. Блаженъ, кто можетъ, при послѣднемъ своемъ вздохѣ, передать Свой духъ въ руки Отца; но страшно попасть въ руки Живаго Бога, который никогда *не бываетъ поругаемъ*, и изъ рукъ Котораго никто не можетъ спасти. Да защититъ и сохранить насъ отъ сего Отецъ нашъ Небесный!

Иисусъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: *Отче, въ руку Твою предаю духъ мой! И сія рекъ издше*. Уста Его сомкнулись и умолкли; глаза Его закрылись; лицо помертвѣло; душа отлетѣла и тѣло Царя жизни, какъ трупъ, повисло на крестѣ своемъ.

Когда склонилъ Свою голову и умеръ Спаситель, поколебалась земля, распались камни, раскрылись гробы умершихъ и завѣса во Святая Святыхъ разорвалась на двѣ половины отъ верхняго края до

нижняго. Сотникъ же, который держаль стражу при крестѣ, когда увидѣлъ все совершившееся, прославилъ Бога и сказалъ: *Боистину это праведный человекъ и Сынъ Божій былъ*. И весь народъ, бывшій при этомъ и видѣвшій все это, ударяя себя въ перси, разошелся по домамъ.

Братіе—христіане! Будемъ и мы, съ благоговѣніемъ преклоняя колѣна душъ и тѣлесъ нашихъ предъ крестомъ Его, ударять себя въ перси, каяться и молиться, говоря: *Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ*, намъ, грѣхи которыхъ распяли и убили Бога, единороднаго Сына, единственнаго праведника въ нечестивомъ родѣ человеческомъ,—убили Того, Котораго теперь никакая смерть уже не умертвить, убили Царя жизни, Который, *умерши за грѣхи наши*, и воскресши *за оправданіе наше*, взошелъ теперь на небо, въ вѣчный чертогъ Отца Своего, чтобы открыть свободный входъ туда и намъ и всѣмъ, которые вмѣстѣ съ нами преклоняются предъ крестомъ Его, и, ударяя себя въ перси свои, сокрушаются о грѣхахъ своихъ. О, Господи, Иисусе Христе, Ты вѣчный Первосвященникъ, Сынъ Божій, Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра, понесшій и наши грѣхи, пріими эту жертву нашего благодаренія, съ которою мы сегодня, съ благоговѣнною мольбою преклоняемся предъ Тобою! Пусть образъ Твоего Святаго и Пречистаго, за наши грѣхи распятаго на древѣ клятвы тѣла, ежедневно побуждаетъ насъ умирать грѣху и оживать для Бога! Признай насъ Ты, вѣрный Пастырь, *Своими* и помоги намъ быть и на всю жизнь свою оставаться *Твоими*, дабы мы, при наступленіи страшнаго часа смерти, могли со дерзновеніемъ передать наши души на попеченіе Отца небеснаго, и во имя Твое сказать: *Отче, въ руку Твою предаю духъ мой!* Аминь.

Чествованіе св. Георгія въ Россіи и Грузіи.

Святой Георгій, родомъ изъ Каппадокіи, былъ сынъ христіанскихъ знатныхъ родителей, съизмала пріученный къ благочестію. Онъ въ дѣтствѣ еще лишился отца, скончавшагося мученическимъ за Христа подвигомъ. По смерти мужа, мать св. Георгія переселилась

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 8-й 1895 г.

сь нимъ изъ Каппадокіи въ Палестину, откуда она была родомъ и гдѣ имѣла обширныя владѣнія. Придя въ совершенный возрастъ, св. Георгій, красивый лицомъ, крѣпкій тѣлосложеніемъ, поступилъ въ военную службу и за свою храбрость и военные подвиги вскорѣ, не смотря на свою молодость — ему было 20 лѣтъ, — былъ назначень тысяченачальникомъ царемъ Діоклитіаномъ, не знавшимъ еще о его принадлежности ко Христу.

Какъ извѣстно, римскій императоръ Діоклитіанъ (284—305) подь конецъ своего царствованія поднялъ на христіанъ самое жестокое гоненіе. Онъ издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось разрушить храмы христіанъ, сожигать ихъ священныя книги и всѣхъ называющихъ себя христіанами бросать въ темницы и всѣми способами принуждать ихъ къ принесенію жертвы языческимъ богамъ. Упорствовавшихъ подвергали различнымъ мукамъ и истязаніямъ: однихъ бичевали, другихъ раздирали желѣзными когтями, жгли на медленномъ огнѣ, топили въ морѣ, отсѣкали головы мечемъ, многихъ распинали головою внизъ, или подвергали различнымъ увѣчьямъ, какъ-то: однимъ отсѣкали руки, другимъ ноги, носы или уши, травили дикими звѣрями, однимъ словомъ на христіанахъ испытаны были всѣ пытки, которыя могли выдумать жестокость и звѣрство мучителей⁴⁰). Когда былъ изданъ такой жестокой указъ противъ христіанъ, св. Георгій находился въ то время при царѣ. Въ первый же день узнавъ объ указѣ царя, онъ рѣшилъ, что настало самое благопріятное время для его спасенія. Онъ отпустилъ тотчасъ же бывшихъ при немъ рабовъ на свободу, роздалъ бѣднымъ и неимущимъ имѣвшееся у него золото, серебро и одежды и сдѣлалъ распоряженіе относительно имѣній и богатствъ въ Палестинѣ въ томъ же смыслѣ, т. е., чтобы имѣнія были розданы неимущимъ, а рабы отпущены на свободу. Затѣмъ на третій день св. Георгій, отвергнувъ всякій страхъ, твердый вѣрою въ единого Бога, явился къ царю и сталъ укорять царя и его совѣтниковъ въ несправедливой жестокости противъ ни въ чемъ неповинныхъ и безобидныхъ христіанъ, „иже добрѣ научишася благочествовати“. „Идолы ваши, говорилъ онъ, не суть боги, но единъ есть истинный Богъ—Христосъ“, и приглашалъ царя и всѣхъ присутствующихъ или самимъ познать Бога и научиться благочестію или же не смущать „безуміемъ своимъ истинствующихъ и благочествующихъ“. Изумленный и пораженный какъ громомъ такою дерзостію, царь си-

дѣлъ молча, едва сдерживая въ себѣ гнѣвъ, и чрезъ приближеннаго сановника и друга своего Магнентія спросилъ Георгія: „ужь и ты не христіанинъ ли?“ Св. Георгій отвѣчалъ: „я рабъ Христа Бога моего и, на Него уповая, посреди васъ добровольно сталъ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ!“ Тогда Діоклитіанъ обратился къ св. Георгію съ рѣчью, въ которой извинялъ ему его дерзость изъ уваженія къ молодости и воинскимъ доблестямъ Георгія и какъ отецъ совѣтовалъ ему принести жертву богамъ, чтобы не лишиться воинской славы и званія и своею непокорностью не подвергнуться мукамъ; за послушаніе же обѣщалъ большія почести. Св. Георгій съ твердостью отвѣчалъ, что „ничто не можетъ ослабить его благочестія къ Богу и никакой видъ мукъ не утратитъ души его и не поколеблетъ ума его“ и въ свою очередь убѣждалъ царя познать истиннаго Бога и чрезъ то удостоиться не суетнаго и скоропреходящаго, но безсмертнаго царства.

Въ сильномъ гнѣвѣ царь, не давъ докончить рѣчи святому, повелѣлъ стоявшимъ оруженосцамъ изгнать св. Георгія изъ засѣданія и заключить его въ темницу. При исполненіи этого приказа одно копьё коснулось тѣла святого и тотчасъ согнулось какъ олово, уста же мученика были исполнены хвалы Господу.

Приведши мученика въ темницу, воины бросили его на землю лицомъ вверхъ, забили ноги въ колодки и по повелѣнію царя положили на грудь большой камень. Святой терпѣлъ то до слѣдующаго дня, непрестанно вознося благодареніе Богу. На другой день царь снова призвалъ къ себѣ мученика и, увидавъ его изнеможеннаго, спросилъ его: „раскаялся-ли ты Георгій, или еще продолжаешь упорствовать?“ Святой вслѣдствіе боли въ сдавленной камнемъ груди еле могъ говорить, однако отвѣчалъ Діоклитіану: „что скорѣе ты изнеможешь, муча меня, чѣмъ я мучимый“.

Тогда Діоклитіанъ велѣлъ поставить большое мучительное колесо, подъ которымъ настланы были доски, утыканныя острыми желѣзными ножами, изъ которыхъ одни были простые, а другіе загнуты на подобіе удочекъ. Къ этому-то колесу царь велѣлъ привязать мученика нагимъ и вращать колесо. Св. Георгій, тѣло котораго было изрѣзано на части острыми ножами, терпѣливо переносилъ эти муки, не испуская никакого стона и какъ бы не чувствуя ихъ, а только про себя благодарилъ Господа Бога. Царь, считая мученика уже умершимъ

возблагодарилъ боговъ своихъ и съ насмѣшкою спросилъ св. Георгія: „гдѣ твой Богъ, Георгій, и почему онъ не избавилъ тебя отъ такой муки?“ И затѣмъ велѣлъ отвязать его, считая его мертвымъ, а самъ отправился въ капище Аполлона. Но вдругъ воздухъ покрылся облаками, раздался страшный громъ и многіе слышали голосъ свыше: „не бойся, Георгій: Я съ тобою!“ И велѣдъ затѣмъ въ необычайномъ сіяніи явился у колеса Ангелъ Господень въ образѣ прекраснаго юноши, возложилъ руку на мученика и сказалъ ему: „радуйся!“ Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса и никто не смѣлъ приблизиться къ колесу и къ мученику, пока продолжалось видѣніе. Когда же Ангелъ скрылся, то мученикъ самъ сошелъ съ колеса, отрѣшенный Ангеломъ Божиимъ отъ колеса и исцѣленный имъ отъ ранъ, сталъ тѣломъ здравъ и благодарилъ Бога. Видя такое чудо, воины въ ужасѣ и недоумѣніи тотчасъ же извѣстили о всемъ царя, который находился еще въ капищѣ при совершаемой идоламъ службѣ. За воинами послѣдовалъ и св. Георгій и предсталъ предъ царемъ въ капищѣ. Царь, увидѣвъ его, не вѣрилъ глазамъ своимъ и думалъ, что это другой Георгій, пока окружающіе и самъ Георгій не разувѣрили его въ противномъ. Всѣ присутствовавшіе ужаснулись слышанному и видѣнному и въ недоумѣніи молчали, но находившіеся здѣсь два претора—Анатолій и Протолеснъ, прежде оглашенные въ христіанскую вѣру, при видѣ такого чуда, совершенно утвердились въ вѣрѣ Христовой и громогласно заявили, что одинъ Богъ великій и истинный—Богъ христіанскій!“ Царь тотчасъ повелѣлъ ихъ взять и безъ всякаго испытанія посѣчь мечемъ внѣ города. Многіе и другіе увѣровали тогда во Христа, но скрывали это изъ-за страха. Даже супруга Діоклитіана—царица Александра,—бывшая тутъ же въ капищѣ, видѣвъ чудесное исцѣленіе мученика и слышавъ о явленіи Ангела, увѣровала во Христа и хотѣла открыто исповѣдать свою вѣру, но начальникъ двора удержалъ ее отъ этого и велѣлъ ее отвести во дворець, прежде чѣмъ узналъ о томъ царь.

Но Діоклитіанъ не тронулся этимъ чудомъ и повелѣлъ св. Георгія бросить въ каменный ровъ съ негашеной известью и тамъ закопать его до трехъ дней. Св. Георгій, ведомый туда, вслухъ молился Господу Богу и просилъ Его избавить его отъ козней врага и дать ему силы до конца соблюсти исповѣданіе имени Его святого.

Оградивъ все тѣло крестнымъ знаменіемъ, св. Георгій вошелъ въ ровъ, радуясь и славя Бога; слуги же закопавъ его связаннымъ въ извести, возвратились. На третій день царь повелѣлъ выбросить изъ рва кости мученика, думая, что онъ сгорѣлъ въ извести. Когда же слуги разгребли известь, то, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, нашли живымъ и здоровымъ, съ лицомъ свѣтлымъ, простирающимъ руки вверхъ и благодарящимъ Бога за всѣ Его благодѣянія. Слуги и народъ, при томъ бывшій, изумлялись отъ ужаса и называли Бога Георгіева великимъ. Узнавъ о томъ, Діоклитіанъ тотчасъ велѣлъ привести къ себѣ Георгія и съ удивленіемъ спрашивалъ его, откуда у него такая сила и какими онъ обладаетъ волшебными чарами? Въ отвѣтъ на это св. Георгій замѣтилъ, что царь не можетъ отверсть устъ своихъ безъ того, чтобы не произнести хулы на всемогущаго Бога, которому все возможно и который избавляетъ отъ бѣдъ уповающихъ на Него; и что онъ царь, прельщаемый діаволомъ, впалъ въ такую глубину заблужденія и погибели, что явныя чудеса Бога его называетъ волхваніемъ и чарами; а поэтому онъ жалѣетъ объ его слѣпотѣ и считасть его недостойнымъ отвѣта. Тогда Діоклитіанъ повелѣлъ принесть желѣзные сапоги съ длинными гвоздями изнутри, и обувь въ нихъ, предварительно накаливши гвозди, обѣ ноги мученика и затѣмъ бить и гнать его до мѣста заключенія. Надъ гонимымъ въ такой обуви мученикомъ жестокой мучитель издѣвался, говоря: „какой скороходъ ты, Георгій, какъ скоро ты бѣжишь!“ Мученикъ же, столь жестоко истязаемый, призывалъ только Бога на помощь и просилъ у Него терпѣнія до конца, чтобы врагъ его не посмѣялся надъ нимъ. Такъ молясь, святой былъ вверженъ въ темницу, изнемогая отъ ранъ на изъязвленныхъ ногахъ, но не изнемогая духомъ. Весь день тотъ и всю ночь онъ не переставалъ возсылать благодареніе и молитвы Богу и съ помощью Божіею въ ту ночь получилъ исцѣленіе отъ язвъ и сталъ здоровъ ногами и всѣмъ тѣломъ. По утру св. Георгій представленъ былъ царю въ театрѣ, гдѣ съ царемъ былъ весь его дворъ, и царь увидавъ мученика, идущаго твердою поступью, какъ будто онъ не имѣлъ никакихъ язвъ на ногахъ, съ большимъ удивленіемъ спросилъ его: „что, Георгій, понравились ли тебѣ сапоги? — „Да, понравились“, отвѣчалъ святой. Царь снова сталъ убѣждать св. Георгія, чтобы онъ, оставивъ свое упорство и, отвергнувши волшебную хитрость, принесть жертву богамъ, дабы не лишиться жизни въ му-

кахъ. Когда же Георгій отвергъ совѣтъ Діоклитіана, назвавъ его самого безумнымъ за то, что онъ силу Божію волхвованіемъ называетъ, то Діоклитіанъ въ гнѣвъ велѣлъ предстоящимъ бить въ уста святого, дабы онъ научился не досаждать царямъ, и затѣмъ повелѣлъ бить его воловьими жилами до тѣхъ поръ, пока плоть его съ кровью не приникнетъ къ землѣ.

Столь жестоко мучимый, св. Георгій нисколько однако не измѣнился въ лицѣ своемъ, чему много дивился царь и что объяснялъ не мужествомъ и крѣпостію св. Георгія, а дѣйствіемъ волшебной силы. Тогда Магнетій доложилъ царю, что онъ знаетъ одного искуснаго волхва, по имени Аѳанасія, который можетъ побѣдить Георгія и заставить его повиноваться велѣніямъ царя. Призвавъ волхва того, Діоклитіанъ сказалъ ему: „что сдѣлалъ сей человекъ Георгій, то видѣли всѣ присутствующіе здѣсь, но какъ онъ то сдѣлалъ, вы лучше должны знать, наученные той хитрости: поэтому, ты или побѣди и разрушь его волхвованія и сдѣлай его намъ покорнымъ, или же чародѣйными отравами лиши его жизни сей: пусть онъ приметъ подобающую себѣ смерть отъ той же хитрости, которой научился, для чего я и попустилъ ему жизнь доселѣ“.

Волхвъ обѣщаль все устроить на другой день. Поутру онъ явился къ царю съ двумя сосудами, наполненными различными волшебными питьями, и указывая на одинъ сосудъ, сказалъ: „если хочешь, царь, чтобы тотъ безумецъ во всемъ послушался тебя, то пусть онъ выпьетъ это питье“, и указывая на другой, добавилъ: „если же тебѣ угодно видѣть горькую смерть его, то пусть выпьетъ вотъ это“. „Тотчасъ, по повелѣнію царя, былъ приведенъ св. Георгій, и Діоклитіанъ, заранѣе торжествуя побѣду, велѣлъ его напоить волшебнымъ питьемъ. Святой безъ всякаго колебанія выпилъ питье и остался невредимъ, радуясь и насмѣхаясь надъ ухищреніями враговъ своихъ. Тогда царь, неистовствуя отъ злости, велѣлъ силою напоить Святого другимъ питьемъ, наполненнымъ смертоноснымъ ядомъ. Св. Георгій, не дожидаясь, чтобы принудили его, самъ взялъ сосудъ и выпилъ ядъ, и остался цѣлъ и невредимъ, будучи соблюденъ помощію благодати Божіей отъ смерти. Діоклитіанъ и всѣ его приближенные удивились такому чуду, равнымъ образомъ и волхвъ Аѳанасій стоялъ въ изумленіи. Тогда царь спросилъ мученика: „доколѣ ты будешь удивлять насъ, Георгій, дѣлами твоими, и доколѣ не скажешь намъ истину,

какими волшебными кознями ты дѣлаешь безвредными наносимыя тебѣ муки и даже смертоносное питье?“ Св. Георгій отвѣчалъ, что онъ это дѣлаеть не человѣческими измышленіями, но призываніемъ и силою Христа, который слѣпымъ можетъ давать зрѣніе, очищать прокаженныхъ, давать хромымъ хожденіе, глухимъ слухъ, изгонять нечистыхъ духовъ, воскрешать мертвыхъ и творить тому подобныя чудеса. На эти слова святого волхвъ Аѳанасій замѣтилъ, что мы всякій день наслаждаемся благодѣяніями безсмертныхъ боговъ, но никогда еще не видали, чтобы они воскрешали мертваго; поэтому, если этотъ человѣкъ не безстыдно свидѣтельствуетъ о дѣлахъ распятаго Бога, то пусть онъ воскреситъ предъ царемъ и всѣми присутствующими мертваго, и тогда, добавилъ онъ, увѣруемъ въ Бога его какъ всемогущаго.

При этомъ волхвъ указалъ гробницу, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ погребенъ былъ его знакомый. Царь согласился на это предложеніе Аѳанасія и вмѣстѣ со всѣми присутствующими отправился къ гробницѣ, находящейся на полстадіи отъ города. По просьбѣ Магнентія, Георгій былъ разрѣшенъ отъ узъ и Магнентій сказалъ ему: „теперь, Георгій, покажи чудныя дѣла твоего Бога, и всѣхъ насъ къ вѣрѣ въ Него приведешь“. Св. Георгій на это отвѣчалъ: „Богъ мой силенъ чрезъ меня, раба своего, воскреситъ того мертвеца, но вы, обольщаемые умомъ своимъ, все-равно уразумѣть истины не можете; однако Богъ мой ради предстоящаго народа сдѣлаеть то, о чемъ вы просите, искушая, чтобы вы не отнесли того къ волхвованію“. Съ этими словами онъ всталъ на колѣни и со слезами на глазахъ молился Богу, чтобы онъ, во славу Свою и въ посрамленіе отметающимся отъ Него, далъ просимое знаменіе сему роду лукавому и воскресилъ мертвеца, лежащаго во гробѣ. Едва святой кончилъ свою молитву, какъ произошелъ сильный шумъ и какъ бы землетрясеніе, такъ что всѣ сильно перепугались. Вдругъ крыша надъ гробницею упала на землю, раскрылся гробъ, и изъ него вышелъ мертвецъ..... Всѣ смотрѣли и обмерли отъ страха..... Когда въ народѣ разнеслась молва о семъ, многіе радовались и прославляли Христа, какъ великаго Бога, царь же и находившіеся съ нимъ, исполненные невѣрія, говорили, что Георгій — великій волхвъ, и что онъ не мертваго воскресилъ, а вызвалъ привидѣніе изъ гроба на соблазнъ зрителямъ. Однако волхвъ Аѳанасій не смѣлъ долѣе противиться истинѣ

и, припадши къ ногамъ святого, умоляль его простить его согрѣшенія, содѣланныя въ невѣдѣннїи и увѣровалъ во Христа. Но царь истолковалъ это иначе: онъ заподозрилъ Аѳанасїя и воскресшаго мертвеца въ предварительномъ соглашенїи съ св. Георгїемъ: что будто бы волхвъ далъ св. Георгїю не ядъ, но нѣкоторый заговоренный напитокъ, способствовавшій ихъ обольщенію, а человѣка спящаго волшебными чарами сдѣлалъ мертвымъ и снова оживиль его, какъ будто воскресшаго изъ мертвыхъ. Поэтому онъ безъ всякаго допроса и истязанія повелѣлъ отсѣчь голову волхву Аѳанасїю и воскресшему изъ мертвыхъ человѣку, а святого мученика Христова Георгїя держать въ темницѣ и узахъ до особаго распоряженія о немъ. Св. Георгїй, войдя въ темницу, радовался духомъ и благодариль Бога за то, что Онъ украшаетъ Своею благодатію его недостойнство и молился о томъ, чтобы Онъ сподобиль его вскорѣ узрѣть славу Его.

Въ темницу къ св. Георгїю приходили многіе увѣровавшіе во Христа ради чудесъ, имъ совершенныхъ, и здѣсь наставляемы были имъ въ вѣрѣ святой, а которые были больны, получали исцѣленіе отъ своихъ недуговъ: исцѣляль же онъ призываніемъ имени Христа и знаменіемъ крестнымъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гликерій, простой пахарь, у котораго волъ упалъ съ горы и разбился до смерти. Наслышавшись о святомъ, Гликерій пошелъ къ нему, плача о волѣ своемъ, и святой утѣшилъ его, сказавъ, что „Христось мой оживиль вола твоего“. Пахарь, не сомнѣваясь, повѣрилъ слову святого, пошелъ домой и нашелъ вола своего живымъ, по слову святого. Ни мало не медля, онъ возвратился къ святому и, идя по городу, громгласно восклицалъ: „воистину великъ Богъ Христіанскій!“ Когда царь Діоклитіанъ узналъ объ этомъ Гликерїи, то въ гнѣвѣ велѣлъ ему за городомъ безъ испытанія отсѣчь голову. Тогда нѣкоторые изъ приближенныхъ донесли царю, что Георгїй, сидя въ темницѣ, возмущаетъ народъ и, отвращая отъ боговъ ихъ, многихъ приводитъ къ Распятому Богу и волшебствомъ чудодѣйствуетъ и всѣ идутъ къ нему; поэтому совѣтовали царю осудить его поскорѣе на смерть, если онъ не покается и не обратится къ богамъ. Царь приказалъ Магнентію устроить на утро судилище въ Аполлоновомъ капищѣ, чтобы всенародно испытать мученика. Въ эту ночь святому Георгїю снилось во снѣ, что Самъ Господь поднималъ его своею рукою и, обнимая, лобызалъ его и возлагалъ ему на голову вѣнецъ, говоря: „не бойся,

но дерзай "... и „уготованная тебѣ воспріими“. Проснувшись, святой съ радостію поблагодарилъ Господа и упросилъ стража темничнаго позвать слугу своего, который неотступно стоялъ около темницы и записывалъ всѣ слова и дѣла святого, просилъ послѣдняго выполнить его завѣщаніе относительно имѣній въ Палестинѣ. На утро царь велѣлъ привести къ себѣ мученика и сдерживая въ себѣ гнѣвъ, кротко сталъ бесѣдовать съ нимъ, напомнилъ ему о томъ, что онъ царь, будучи исполненъ челоуѣколюбія и милости, до сихъ поръ благодушно терпѣлъ, щадя въ немъ его молодость, красоту, разумъ и мужество, и обѣщалъ вознаградить его многими почестями за всѣ претерпѣнныя муки, если бы онъ обратился къ богамъ. Св. Георгій предложилъ царю самъ войти внутрь храма, чтобы видѣть боговъ, ими почитаемыхъ. Царь съ радостію отправился въ храмъ въ сопровожденіи народа, съ честію ведя съ собою Георгія, народъ же похвалялъ царя и заранѣе предрекалъ своимъ богамъ силу и одолѣніе. Когда вошли въ храмъ, жертва была уже приготовлена..... Водворилась тишина и всѣ смотрѣли на мученика, ожидая, что онъ принесетъ богамъ жертву.... Святой, подойдя къ идолу Аполлона, простеръ къ нему руки и спросилъ его, какъ живаго: „ты ли, какъ Богъ, хочешь принять отъ меня жертву?“ И сотворилъ надъ нимъ крестное знаменіе. Тогда вдругъ идолы съ шумомъ упали на землю и разбились... При видѣ такого поруганія своей религіи, жрецы и многіе изъ народа въ неистовствѣ бросились на святого, съ яростію стали бить его и требовали отъ царя казни ему.

Когда слухъ о случившемся распространился по городу, то царица Александра, дотолѣ скрывавшая свою вѣру во Христа, не могла болѣе таиться, отправилась на площадь, гдѣ былъ св. Георгій, припала къ ногамъ мученика и предъ всѣми громогласно исповѣдала Христа, истиннаго Бога, укоряя царя въ безуміи и порицая языческихъ боговъ. Изумленный царь, видя, что его супруга съ такою дерзостію славить Христа, уничижаетъ идоловъ и даже припала къ ногамъ мученика, въ великой ярости, не дѣлая болѣе испытанія ни о Георгіѣ, ни объ царицѣ, произнесъ такой смертный приговоръ: „злѣйшаго Георгія, называвшагося Галилеяниномъ, много хулившаго царя и боговъ, вмѣстѣ съ царицею Александрою, растлившееся его волхвованіемъ, посѣчь мечемъ!“ Воины, схвативъ мученика, повели его связаннымъ за городъ, а за нимъ влекли и благородную царицу, которая

про себя молилась Богу. Дорогою царица, изнемогши отъ усталости, испросила позволенія присѣсть, приклонила голову къ стѣнѣ и предала свой духъ Господу. Мученикъ же Георгій, то видѣвъ, прославлялъ Бога и молился Богу о томъ, чтобы и „его теченіе совершилось добрѣ“. Когда приблизились къ назначенному мѣсту, то св. Георгій въ послѣдній разъ обратился къ Господу Богу съ молитвою, въ которой благодарилъ Бога за Его къ нему милости и молилъ о прощеніи своимъ врагамъ, невѣдящимъ, что творять, и просилъ изъбавить душу его отъ козней воздушнаго князя тьмы. Помолвившись, онъ съ радостію преклонилъ подъ мечъ свою голову и усѣченъ былъ въ 23-й день мѣсяца апрѣля. Такъ кончилъ свое теченіе доблестный воинъ Христовъ, до конца соблюдая непорочную вѣру во Христа, и пріобрѣлъ нетлѣнный вѣнецъ правды.

Таково житіе св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Всѣмъ извѣстно, какимъ вниманіемъ и уваженіемъ пользовались въ старину житія святыхъ. Они были любимѣйшимъ и назидательнѣйшимъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Читая ихъ, наши предки старались подражать жизни и подвигамъ святыхъ, о которыхъ въ нихъ рассказывается, осуществить идеалы нравственного совершенства и удовлетворить своимъ высшимъ духовнымъ стремленіямъ къ лучшей жизни. Столь трогательный рассказъ о мученіяхъ св. Георгія за Распятаго Христа, о его несокрушимой твердости и отвагѣ, съ одной стороны, съ другой, повѣствованіе о чудесахъ, совершенныхъ имъ послѣ его смерти, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на живое воображеніе простаго народа. Если мы внимательнѣе отнесемъ къ житію св. Георгія, то въ немъ найдемъ всѣ элементы, которые послужили основаніемъ столь разнообразно проявляющагося почитанія памяти святого и всѣхъ народныхъ рассказовъ о немъ.

(Окончаніе будетъ).

Бывшій преподаватель Тифлисской (нынѣ инспекторъ Черниговской) духовной семинаріи *Як. Чрединъ*.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Преждевременная смерть священника—явленіе весьма прискорбное, особенно въ виду бѣдственнаго положенія его осиротѣвшей семьи. Весьма немногіе изъ духовенства, умирая, оставляютъ своей семьѣ болѣе или менѣе порядочное обезпеченіе; болшею же частью несчастныя семьи остаются почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. И,—Боже мой,—сколько горя, сколько нравственной и фи-

зической муки приходится перенести несчастной, лишенной своей главы и кормильца семьѣ, въ особенности у насъ, въ Грузіи, гдѣ такъ мало лицъ, скорбящихъ о вдовахъ и сиротахъ бѣднаго люда.

Прежде всего надо похоронить умершаго, но денегъ нѣтъ; приходится мытарствовать въ поискахъ за ними, или брать все необходимое въ долгъ въ три дорога, т. е. обрекать себя на совершенное разореніе. Это вовсе не преувеличеніе; такихъ прискорбныхъ фактовъ масса, о чемъ слѣдовало бы нашему духовенству скорбѣть и призадуматься. Напримѣръ, 26-го марта текущаго года, въ день Вербнаго Вскресенія, скоропостижно скончался священникъ Навенахевской св. Георгіевской церкви (Имеретинской епархіи) о. Іуліанъ Шотадзе. Покойный только девять мѣсяцевъ служилъ въ санѣ священника, вслѣдствіе чего семью свою оставилъ въ крайне бѣдственномъ положеніи. По окончаніи курса духовнаго училища, за неимѣніемъ средствъ, онъ не могъ поступить въ духовную семинарію. Искреннее желаніе служить алтарю Божію, привело покойнаго въ Кацхскій монастырь, гдѣ подъ руководствомъ опытнаго настоятеля онъ хорошо изучилъ церковное чтеніе, пѣніе и церковно-богослужбный уставъ. Затѣмъ онъ нѣкоторое время служилъ пѣвчимъ въ хорѣ преосвященнаго Имеретинскаго епископа Гавріила. Впослѣдствіи же, убѣдившись въ честности, безкорыстїи и другихъ добрыхъ качествахъ покойнаго, преосвященный Гавріилъ возвелъ его въ санъ діакона и назначилъ экзаменаторомъ лицъ, ищущихъ священно—и церковно-служительскихъ мѣстъ. Около 20 лѣтъ покойный занималъ низшія церковно-служительскія мѣста, но душа его не могла успокоиться до полученія священническаго сана. Наконецъ, цѣли онъ достигъ, но безжалостная смерть не дала ему возможности работать на нивѣ Христовой болѣе девяти мѣсяцевъ, оторвавъ его отъ жизни и заботъ сего суетнаго міра. Этотъ роковой день неизбѣжно ожидаетъ каждаго изъ насъ, любезные собратья, а потому войдемъ въ положеніе бѣдной вдовы и сиротъ покойнаго священника и пожертвуемъ каждый свою лепту въ пользу несчастной семьи и во имя того священнаго и высокаго званія, которое носилъ, подобно намъ, нашъ покойный собратъ.

Священникъ *Михаилъ Буачидзе*.

Содержаніе № 9-го. *Часть оффиціальная:* Уставъ православнаго Палестинскаго общества. Императорское православное Палестинское общество. Удешевленная цѣна за проѣздъ въ Іерусалимъ и Афонъ. Плата, взимаемая за помѣщеніе и продовольствіе на Русскомъ подворьѣ съ 1-го сентября 1895 г. по 1-е сентября 1895 г. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Списокъ священно-служителей Грузинскаго Экзархата, кои Его Высокопреосвященствомъ, Экзархомъ Грузіи, удостоены соответствующихъ знаковъ отличія, по вниманію къ ихъ примѣрно-усердной и полезной дѣятельности на пользу православной церкви. Распоряженія Гурийско-Мингрельскаго епархіальнаго начальства. *Часть неоффиціальная:* Бесѣды на семь словъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Экзарха Грузіи. Чествованіе св. Георгія въ Россіи и Грузіи—бывшаго преподавателя Тифлисской (нынѣ инспектора Черниговской) духовной семинаріи—*Як. Чредина*. Некрологъ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. Тифлисъ, 27 апрѣля 1895 г. Ценз., протоіерей *Е. Елиевъ*.

Типографія Е. Хеладзе, Лорисъ-Меликовская ул., домъ Квашоэтской Георгіевской церкви № 28-й.